Виталий Шуптар / текст, фотографии

Забытое королевство забытого Гуляра

Forgotten Kingdom of forgotten Goullart

text and photos by **Vitaliy Shuptar**

В августе 2007 года команда карагандинского историко-географического общества «Авалон» (Виталий Шуптар и Елена Ким) отправилась в велосипедное путешествие по китайскому Юго-Западу, планируя попасть из столицы провинции Сычуань — города Ченду в расположенный в провинции Юннань город Лицзян, повторив частью своего маршрута путешествие Петра Гуляра — русского эмигранта, очутившегося после Октябрьской революции в Китае. Обстоятельства сложились таким образом, что в Куньмине велосипедную часть маршрута пришлось завершить, однако члены экспедиции, тем не менее, попали в Лицзян, где и смогли собственными глазами увидеть то, что стало с Лицзяном по прошествии пятидесяти с лишним лет с того момента, как Гуляр покинул предгорья Тибета.

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

Виталий Шуптар

путешественник, президент карагандинского историко-географического общества «Авалон» (www.guide.kz), редактор журнала «Discovery Kazakhstan» (www.discovery-kazakhstan.com), руководитель группы экотуризма Карагандинского ЭкоМузея (www.ecomuseum.kz). Автор путеводителя по Казахстану, публикаций в газетах и журналах Казахстана, России, Узбекистана и Китая. Участник путешествий по Гималаям, Северному Тянь-Шаню и Памиру, двух велосипедных экспедиций по Китаю.
Увлечения: история, археология, геология.

Vitaliy Shuptar
is a traveler, the President of Karaganda History and Geography Society "Avalon" (www.guide.kz), the editor of "Discovery Kazakhstan" magazine (www.discovery-kazakhstan.com), the head of an Ecotourism group of Karaganda EcoMuseum (www.ecomuseum.kz). The author of the Kazakhstan guidebook, several articles in newspapers and magazines of Kazakhstan, Russia, Uzbekistan and China. A participant of journeys to the Himalayan Mountains, the Northern Tien-Shan and Pamir, a member of two bike expeditions to China.
Hobbies: history, archeology, geology.

Лицзян. Неподалёку от предполагаемого дома Петра Гуляра

В сороковых годах прошлого века судьба забросила русского эмигранта Петра Гуляра, после Октябрьской революции жившего в Китае, в небольшой городок Лицзян, затерянный на восточной окраине Тибета. Это событие имело все шансы остаться незамеченным, если бы автор по прошествии лет не задумал написать о своём путешествии и жизни в Лицзяне интереснейшую книгу, в которую он попытался вложить все свои наблюдения и знания, касающиеся этого отдалённого горного района. Скажем больше, — он вложил в неё всю свою душу, которая к тому времени уже всецело принадлежала горам Тибета и забытому королевству народа наси.

— Пролог —

*Я родился в России более пятидесяти лет назад. Катаклизмы, потрясавшие мир с начала века, застали меня в самом раннем возрасте, и настолько неожиданными и жестокими были эти изменения, что я никогда не смогу воспринимать свою жизнь как нечто целое и неразрывно связанное, но лишь как последовательность жизней, не имеющих ничего общего одна с другой.»**

Среди огромного количества русских исследователей и путешественников имя Петра Гуляра, автора «Забытого королевства», никогда и никем не упоминалось. Хотя вряд ли можно сказать, что в России о Гуляре забыли — скорее, о нём не очень-то и помнили. Может быть оттого, что книга о путешествии и пребывании в Лицзяне была написана им на английском языке. Может потому, что его купеческое происхождение и эмигрантская судьба не совсем стыковались с советскими идеалами. Возможно, произошло это и по той причине, что его интересный и живой слог, не претендуя на излишнюю научность, присущую классическим исследователям, представлялся людям, отвечавшим в СССР за книгоиздание, чем-то совсем несерьёзным и недостойным внимания.

Хотя Гуляр и не был учёным, труд, написанный им по итогам длительного пребывания в Лицзяне, стал бы гордостью любого этнографа. Прожив бок о бок с местными жителями в течение почти девяти лет, он смог изучить их нравы и обычаи настолько подробно, что его книгу можно смело назвать энциклопедией Лицзяна и населяющих его наси.

In August 2007 a team of Karaganda History and Geography Society "Avalon", namely Vitaliy Shuptar and Yelena Kim, went on a bike journey around the South-West of China, with the plan to get from Chengdu, the capital of Sichuan province, to Lijiang that is located in Yunnan province, and by doing so to repeat, by the part of their route, the journey of Peter Goullart, a Russian immigrant who found himself in China after the October revolution. The circumstances however made them end their biking part of the route, though the expedition participants nevertheless made it to Lijiang.

In the 40s of the last century destiny brought Peter Goullart, a Russian emigrant, to a small town of Lijiang located in the remotest eastern part of Tibet. This event could have easily stayed unnoticed, had the author not written the most interesting book on his journey and life in Lijiang, to which he devoted all his soul belonging entirely to the mountains of Tibet and the forgotten kingdom of the Nakhi people.

I had always dreamed of finding, and living in that beautiful place, shut off from the world by its great mountains, which years later James Hilton conceived in his novel Lost Horizon. His hero found his 'Shangri-La' by accident. I found mine, by design and perseverance, in Likiang.

«Forgotten Kingdom»
Peter Goullart

Я всегда мечтал о том, чтобы жить в этом прекрасном месте, скрытом от мира великими горами, месте, которое годами позже придумает Джеймс Хилтон, описав его в своём романе «Потерянный горизонт». Герой Хилтона нашел свою «Шангри-Ла» по случайности. Я нашёл свою, благодаря настойчивости и замыслам, здесь, в Лицзяне.

*Пётр Гуляр, «Forgotten Kingdom» («Забытое королевство»).**

**Здесь и далее пер. с англ. отрывков из книги «Forgotten Kingdom» Виталия Шуптара.*

— Вторая родина —

Мой интерес к Востоку, а именно к Китаю, Монголии, Туркестану и Тибету, проявился довольно рано. Восток, должно быть, уже был в моей крови, и это несомненно пришло ко мне по материнской стороне. Её отец и дед были знаменитыми купцами, и в прошлом веке их караваны ходили в Хобдо и Кяхту, и даже до самого Ханькоу, за китайским чаем и шелками.»*

В Китай Гуляр вместе со своей матерью попал сразу же после революции, спасаясь бегством из разрываемой гражданской войной России через Дальний Восток. Но его интерес к восточной культуре появился намного раньше — вся атмосфера его детства предполагала развитие таких наклонностей.

В самом деле, Гуляра, русского по происхождению, можно было смело считать азиатом по духу. Он весьма успешно совместил в себе западное воспитание с восточной мудростью, потому очень хорошо чувствовал своё преимущество перед другими иностранцами, живущими в Китае и пытающимися сосуществовать с местным населением. Он обладал той самой интуицией, которая позволяет определять, что есть хорошо и что есть плохо в этом совершенно отличном от западного обществе. Он понимал, когда надо продолжать, а когда — остановиться; осознавал, когда надо говорить, а когда лучше промолчать; он знал, с кем здесь можно иметь дело, а с кем нельзя. Другими словами, он просто чувствовал Китай.

До того, как попасть в Лицзян, Гуляр прожил в Китае около двадцати лет. Благодаря своей хваткости, сообразительности и широте взглядов, он занимался многим: торговал, был специалистом по древностям, возил туристов по Юго-Восточной Азии, научился прекрасно разбираться в чае и драгоценных камнях, обладал медицинскими познаниями и навыками. Словом, он был мастером на все руки, и мог бы жить весьма успешно в любых условиях и где угодно.

Но мысли его давно уже были обращены на Запад Китая. Именно в эти дикие и непонятные даже для самих китайцев места и хотел он попасть. В конце концов, такая возможность представилась, когда Гуляр начал работать в Китайских производственных кооперативах — организации, занимавшейся развитием кооперативного движения в отдаленных уголках страны. Гуляру совсем не надо было бороться с какими-либо конкурентами для того, чтобы получить своё назначение: поездка в предгорья Тибета для многих китайцев была сродни ссылке. Во-первых, это казалось им просто чрезвычайно далеко, а во-вторых, там жили абсолютно дикие, по мнению китайцев, народы, которые и говорить-то по-китайски не умели, зато славились своей жестокостью и носили мечи и кинжалы. Но именно туда и желал попасть Гуляр, ведомый своей мечтой о «Западных областях».

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

***Лицзян** (старое название Даянь) — город на юго-западе Китая (провинция Юннань), в предгорьях Тибета. В настоящее время численность населения составляет более миллиона человек. Считается, что город возник около восьми веков назад, во времена династии Тан, на древнем караванном «конно-чайном пути», соединявшем Тибетские горы с равнинами Китая. Лицзян часто называют китайской Венецией: через старую часть города проходит река Ю и обширная сеть водных каналов. Город и его окрестности являются туристской Меккой юго-западного Китая, а пруд Чёрного дракона на фоне горы Юлонсуешань считается одним из классических пейзажей Юннани. В 1997 году Лицзян был занесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.*

справа: Канал в Лицзяне
вверху: Лицзянский парк — современность и фотография из архива Петра Гуляра

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

***Lijiang** (formerly called Dayan) is a city in the South west of China (Yunnan province) located at the foothill of Tibet. The population exceeds one million people. The city is said to have appeared about eight centuries ago on the spot of the ancient caravan "tea horse route" that used to connect the Tibetan mountains with the plains of China. The city and its surroundings are a tourist Mecca of south-western China. In 1997 Lijiang was announced a UNESCO Heritage Site.*

Second motherland

I developed early an interest in the Orient, particularly in China, Mongolia, Turkistan and Tibet. It must have been in my blood and it undoubtedly came from my mother's side. Her father and grandfather were great and famous merchants during the past century, and their caravans went to Kobdo and Kiahta, and even as far as Hankow, to pick up China teas and silks.

ЗАБЫТОЕ КОРОЛЕВСТВО ЗАБЫТОГО ГУЛЯРА / Виталий Шуптар

— Рай обретенный и Рай потерянный —

*В Лицзяне не было трущоб. Там не было специальных кварталов, где жила бы одна беднота... Там не было Вест Энда и Ист Энда, и одна часть города была также хороша и аристократична, как и другая... В Лицзяне не было машин, экипажей или рикш. Все ходили пешком,— богатые и бедные, генералы и солдаты, вне зависимости от касты или класса.»**

Если приехать в Лицзян ранним утром, то на первый взгляд может показаться, что описанный Гуляром более полувека назад город всё так же пребывает в том спокойном и идиллическом состоянии, которое позволило русскому путешественнику считать его затерянным в Тибетских горах раем. Но по прошествии нескольких часов эта идиллия рушится: Лицзян наводняют толпы туристов, бродящих большими группами за экскурсоводами и сметающих всё в сувенирных лавках. А среди толп людей с фотоаппаратами и видеокамерами ещё можно различить разноцветных, и почему-то кажущихся совсем фальшивыми, бабушек-наси, продающих «древние» карты старого города, на которых можно найти, например, такую «культурную достопримечательность» как фаст-фуд KFC, тибетцев на лошадях, с которыми можно сфотографироваться за небольшую плату, и других участников этого постановочного шоу, чьей целью является доказать, несмотря на очевидность обратного, тот факт, что Лицзян остаётся таким же необычным и экзотическим, как и сотни лет назад.

В Лицзяне на самом деле изменилось очень многое. Частью «благодаря» человеку, частью — «по вине» природы. Всего через несколько лет после того, как Гуляр покинул Лицзян, город пострадал от разрушительного землетрясения и потому сейчас выглядит уже совсем не так, как в сороковые годы прошлого века. Но «катаклизмы», вызванные человеком, гораздо ощутимее и значительней: отреставрированные или построенные совсем недавно «древние» достопримечательности, длинные ограды и высокие заборы, строгие билетёры и назойливые экскурсоводы, кафе с голосистыми зазывалами и громкий шум музыки в клубах... Словом, та самая цивилизация, от которой когда-то пытался убежать Гуляр.

Гордые и своенравные наси, описываемые Гуляром как люди, которые просто от природы настолько независимы и свободолюбивы, что были неспособны к службе любого рода, — что же стало с ними? Потомки тех самых наси теперь служат всего лишь хорошим историческим фоном для разыгрываемого вокруг действа с жутко официозным названием «развитие туризма, основанного на местных сообществах». И неудивительно, что культура наси, а точнее говоря, её туристически оправданная составляющая, восстанавливается и развивается весьма успешно. Ведь китайцы всегда культивируют то, что хорошо продаётся — причём, временами культивируют даже несмотря на серьёзные идеологические разногласия.

В одном город точно не изменился: в историческом центре современного Лицзяна до сих пор нет машин, потому как их перемещение там запрещено. И только местные полицейские изредка патрулируют город на своих миниатюрных и тихих электромобилях.

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

слева: Рыночная площадь Лицзяна, раннее утро.
справа: Туристы на улицах Лицзяна.
на архивной фотографии: Улочка неподалёку от рыночной площади

Trying to escape Russia, at the time being tormented by the civil war, Goullart arrived to China through the Russian Far East. However, his interest in Oriental culture arouse much earlier, as the very climate of his childhood implied developing such inclinations. In spite of being Russian by origin, Goullart can very well be considered an Asian in his spirit. He quite successfully combined his western education with the eastern wisdom, moreover he possessed that very intuition that helps to identify what's good and what's bad in this eastern society, so very different from the western one.

Before going to Lijiang, Goullart had spent about 20 years in China. Due to his grasp, intelligence and open mind he engaged into a lot of things: he traded, was an antiquities expert, guided tourists to South-Eastern Asia, he learned to be an expert in teas and jewels, had medical knowledge and skills. In other words, he could just as well successfully live anywhere else in any conditions.

Nonetheless, his thoughts were dedicated to the West of China. It was this wild and vague, even for the Chinese themselves, place, that he wanted to go to. Finally, such and opportunity appeared, when Goullart began working for the Chinese Manufacture Cooperatives, an organization developing the cooperative movement in remote parts of the country. Goullart didn't even have to compete to get his destination, as a trip to the foothills of Tibet was much like an exile for most Chinese people. First of all, it was extremely far away, and secondly, the peoples living there were believed to be atrocious and to carry swords and daggers around. Yet, this was the exact place Goullart was willing to go to.

Found Paradise and Lost Paradise

Likiang had no slums. There were no special quarters of the town where the poor predominated... There was no West End and no East End, one part of the city was as good and aristocratic as another... Likiang had no cars, carriages or rickshas. Everyone walked, rich and poor, generals and soldiers, without distinction of caste or class.

If seen early in the morning, it might seem that Lijiang is in that idyllic state, that let Goullart compare it to the Paradise lost in the mountains of Tibet. However, just in a few hours this idyll gets vanished, as crowds of tourists flood the city. Among them you might notice absolutely fake Nakhi old ladies selling what they call "ancient" maps of the city with such "cultural sights" as KFC fast-food restaurants, or Tibetans on horses that you can take pictures with for a small pay, and other participants of the show intended to prove that Lijiang is just as exotic, as it used to be hundreds years ago.

In fact, many things changed in Lijiang. Just a few years after Goullart had left, the city was destroyed by an awful earthquake, though "disasters" caused by humans were much more significant, such as restored or newly built "ancient" sights, long fences and high palings, cafés with noisy barkers and loud music in the nightclubs...

— Наси и их забытые короли —

Одну вещь я усвоил хорошо: дружба наси не давалась за просто так или по воле случая, её нужно было заслужить. Она также не могла быть куплена подарками, потому что за подарком следовал ответный, и чем дороже был ваш подарок, тем более непосильной была эта ноша для наси, ведь в ответ нужно было подарить нечто такое же ценное.»

Как ни странно, но чужаку из России удалось завоевать дружбу наси. Интересно, что несмотря на его высокую и важную для города должность, лучшими друзьями Гуляра стали не местные «шишки», а обычные небогатые люди. Именно их любовь смог снискать Гуляр своей жизнью в Лицзяне. И именно их с огромной тоской описывал он позже в своей книге.

Он жил так же, как и большинство местных жителей, ходил в те же магазины, торговался на рынке, участвовал в праздниках, переживал вместе с ними все трудности, интересовался их культурой и говорил на их языке. Он лечил людей, помогал им обустраивать кооперативы и знакомил их с достижениями технического прогресса. Просто помогал им любыми возможными способами.

Надо сказать, что к тому моменту, когда Гуляр попал в Лицзян, королевство наси уже давным-давно прекратило своё существование, а наследные принцы династии Му в те дни не имели решительно ничего, кроме своих титулов. Да и их дворянская честь также успела претерпеть существенные изменения. Один такой принц даже работал у Гуляра секретарём и, по имеющемуся описанию, одним из немногих положительных качеств сего индивида было умение писать прекрасные отчеты на прекрасном китайском языке. За этот свой талант он и смог весьма долго продержаться у Гуляра, несмотря на замеченное за ним воровство, постоянные опоздания и прогулы, жадность и любовь к опиуму.

Ну а к нашим дням от королей наси остались лишь их дворцы, которые теперь используются на полную катушку как главные туристские достопримечательности Лицзяна.

— Монастыри-призраки —

В Лицзяне было пять буддийских монастырей, принадлежавших к Красной секте тибетского ламаизма. Они живописно располагались в предгорьях и были окружены лесами... Загадочная доктрина тантрического буддизма, её красочные обряды и духовная связь с Лхасой были весьма привлекательными для наси.»

Гуляр, не будучи буддистом, тем не менее поддерживал хорошие отношения с обитателями многочисленных монастырей, окружавших Лицзян. Что интересно, среди всех окрестных монастырей самое большое внимание в своей книге он уделяет описанию Шангри Мупо, расположенного возле одноименной горы, имевшей, к слову, особое значение для буддистов — по легенде, это была одна из тех немногочисленных гор, где обитали боги. Но попробуйте сейчас найти указанный монастырь — сомневаюсь, что это у вас получится.

Годы культурной революции не могли пройти для монастырей Лицзяна бесследно. Большая часть их была разрушена, и, очевидно, Шангри Мупо стал одним из тех монастырей, которые никто не стал отстраивать заново, даже в последние годы, когда буддийские святыни восстанавливаются не сколько ради веры, сколько ради финансовой выгодности и любви иностранных туристов к подобной экзотике. Монастырей такого рода в окрестностях Лицзяна более чем предостаточно.

А чем же занимаются монахи, о которых так положительно когда-то отзывался Гуляр? Прискорбно, но и их не обошло пагубное влияние цивилизации, поэтому сейчас парни и мужчины в бордово-жёлтых одеяниях днями напролёт только и делают, что настойчиво и даже с некоторой наглостью выпрашивают милостыню у туристов со всех концов земли.

Но если вам захочется увидеть нечто совершенно другое, то километрах в шести от деревеньки Байша, древней столицы королевства наси, до сих пор можно найти руины монастыря Фугуо, бывшего некогда одним из самых больших монастырей Лицзяна. Нет, здесь не увидишь ярко одетых монахов, украшенной золотом утвари и любопытных туристов. Но зато у развалин Фугуо есть одно большое преимущество перед многим из того, что сейчас имеется в округе: они — настоящие, и в этом нет никаких сомнений.

На архивной фотографии: Девушка наси

***Наси** (нахи, накси) — народность в юго-западном Китае (главным образом, в провинции Юннань), общей численностью около трёхсот тысяч человек. Религия — тибетский буддизм, а также остатки традиционных верований под общим названием донба. Язык наси входит в тибето-бирманскую группу языков. Его письменность — единственное сохранившееся до наших времён, но постепенно вымирающее, пиктографическое письмо, также называющееся донба, — имеет главным образом ритуальное назначение; используется также слоговое письмо гэба. Практически исчезнувший традиционный уклад жизни строился на матриархальной основе с сильными женскими позициями в сфере собственности и системой «приходящих мужей», однако вождями племён всегда были мужчины. Предками наси считаются тибетские племена цян, некогда кочевавшие по территории современной Сычуани, а затем, примерно в III веке нашей эры, осевшие в районе, где в наши дни расположены город Лицзян и деревня Байша.*

***The Nakhi** (Naxi) are an ethnic group of about three hundred thousand people. Their religion is Tibetan Buddhism and the remnants of traditional beliefs called Dongba. The traditional, now almost extinct lifestyle of the Nakhi was based upon matriarchy with women being dominant in terms of property rights and a system of "coming and going husbands", however men have always been the heads of the family. The Nakhi are believed to be the descendants of the nomadic Qiang, the tribes that had been wandering around the area of present Sichuan and that finally settled in Baisha and Lijiang by 3 CE.*

And what happened to the proud and willful Nakhi, described by Goullart as people so free by their nature as to the degree of being incapable of performing any kind of service? Their descendants now serve as a historic background of the performance taking place everywhere around, namely the "development of tourism based on local societies". It's not surprising that culture of the Nakhi, or to be more precise, its part supporting tourism, is being restored and developed so successfully. The Chinese always cultivate everything that sells well.

There is only one thing that remained the same: the historic center is still free from cars, only policemen patrol the streets every once in a while in their tiny quiet electric vehicles.

The Nakhi and their forgotten kings

One thing I learned well: a Nakhi's friendship was not given freely or haphazardly, it had to be earned. Neither could it be bought with gifts, because gifts were reciprocated and the more expensive the present the more burden it brought to the Nakhi in his efforts to match the value by his return gift.

вверху: Руины монастыря Фугуо. справа: Буддийские монахи направляются в город.
на архивной фотографии: Монастырь Шангри Мупо.

Strange as it is, but the alien from Russia managed to win friendship with the Nakhi. Goullart's best friends were ordinary poor people. It was them that he later described in his book with great yearning. He lived just like the rest of the city dwellers, he went to the same shops, bargained at an open market, took part in festivals, lived through all the difficulties with them, he was interested in their culture and always spoke their language. He treated people, helped them make cooperatives and introduced achievements of technological progress to them. He was simply helping them anyway he could.

When Goullart got to Lijiang, the kingdom of the Nakhi had long seized to exist, and crown princes of the Mu dynasty had nothing but their titles. Moreover, their honor had also undergone significant changes. One of such princes even worked for Goullart as a secretary, and one of his very few virtues was ability to write reports in brilliant Chinese. As for today, palaces of the Nakhi that have become sights of Lijiang are the only thing left of the Nakhi kings.

Ghost monasteries

Likiang had five lamaseries which all belonged to the Karamapa (Red) Sect of the Tibetan Lamaism. They were beautifully situated on the hillsides surrounded by forest... The mystic doctrine of Tantric Buddhism, the colourful rites and the ecclesiastical connection with Lhasa strongly appealed to the Nakhi.

Goullart got along well with the dwellers of numerous monasteries surrounding Lijiang. He gives biggest attention to the description of Shangri Moupo, located near the mountain of the same name. Years of the Cultural Revolution have influenced Lijiang monasteries just as well as the rest of the world. Most of them have been destroyed and evidently Shangri Moupo became one of those monasteries that have not been restored even for the sake of their financial profitability and the love of tourists for such kind of exotics. There are more than enough of such monasteries in Lijiang area. And what do the monks whom Goullart described so positively do? They didn't become an exception as well. All these guys in maroon and yellow attire do all days long is begging money from the tourists from all over the world.

Though, if you'd like to see something completely different, you could find the ruins of one of the biggest monasteries of Lijiang called Fuguo about six kilometers from Baisha village, the ancient capital of the Nakhi kingdom. Here you won't see brightly dressed monks, church plates decorated with gold or curious tourists. In return these ruins have one big advantage, and that is they are real.

Cooperation and nationalization

There were forty-five industrial co-operatives by the summer of 1949. They included wool-spinning, weaving and knitting societies, brassware and copperware societies, a Minkia furniture-making society, a dry-noodle society, a ploughshare-casting society, Tibetan leather and boot-making societies, and others.

There is an opinion, that the system of co-operatives, created by Goullart, became an ancestor of the modern Lijiang enterprises: it was

Лицзян. На первом плане наси в национальной одежде

фото Виталия Шуптара / photo by Vitaliy Shuptar

— Кооперация и национализация —

К лету 1949 года здесь работало уже сорок пять промышленных кооперативов. Среди них были шерстопрядильные, ткацкие и вязальные общества, общества по изготовлению изделий из латуни и меди, мебельное общество Минкя, общество по изготовлению сухой лапши, общество по изготовлению плужных лемехов, тибетские кожевенные и обувные общества, а также множество других.»

Хочется верить, что созданная Гуляром система кооперативов стала прародительницей современных лицзянских предприятий, производящих изделия народного промысла. И несмотря на то, что не все и не сразу поняли смысл предлагаемых Гуляром преобразований, в конце концов, большая часть жителей Лицзяна и его окрестностей смогла понять простую истину: путём сотрудничества друг с другом можно расширить производство и заработать намного больше, нежели поодиночке.

Именно Гуляр познакомил наси с прядильным колесом, и в последующие годы это технологическое нововведение произвело настоящий переворот в местной шерстопрядильной промышленности. Не останавливаясь на достигнутом, он пытался создавать кооперативы и в других, менее популярных у местного населения сферах, помогал людям в получении кредитов и защищал их интересы в государственных органах.

Результаты, достигнутые Гуляром в Лицзяне на ниве кооперативного движения, были весьма впечатляющими, — не сказать выдающимися. Но наступил 1949 год, а с ним пришла революция, превратившая Китай в Китайскую народную республику с Мао Цзе Дуном во главе. Естественно, что цели, поставленные когда-то перед Гуляром, и цели, к которым стремилось новое китайское правительство, разительно отличались. Все его кооперативы строились на межличностных отношениях и никогда не имели в своём составе слишком много людей. Тогда как новое китайское правительство уже мечтало о кооперативах с тысячами и десятками тысяч членов — другими словами, о гигантских колхозах, создаваемых не для людей и не по их желанию, а для потребностей большой страны и исключительно по команде из центра.

В конце концов, Гуляру, как представителю враждебных коммунистам сил, пришлось втайне от всех, вместе со своим другом, знаменитым исследователем Джозефом Роком, покинуть Лицзян. Выбора, по большому счету, не было — арест Гуляра был лишь вопросом времени, и никакой авторитет уже не мог спасти его от новых порядков. Неугодных новому режиму людей арестовывали и расстреливали, число друзей неуклонно уменьшалось. Всё происходящее казалось Гуляру до боли знакомым, и он понимал, что медлить нельзя.

— Возвращение Гуляра —

С о слезами на глазах мы пристегнули наши пояса. Самолет вырулил к дальнему концу поля, а затем с ревом взлетел. Толпа наси и тибетцев махала нам руками в то время, когда мы пролетали над долиной и поднимались ввысь. Медленно мы миновали наш любимый Лицзян с его черепичными крышами и бегущими ручьями, а затем начали набирать высоту для того, чтобы пересечь хребет Наньшань. Последним, что мы смогли увидеть, была великая Река Золотого песка, извивающаяся по своему глубокому ущелью посреди гор. Затем стемнело.»

Покидая Лицзян, Гуляр понимал, что навсегда оставляет свой рай. Хотя скорее всего, он не мог не понимать и того, что рая больше нет. И если первыми на него посягнули коммунисты, то, как мне кажется, основной урон был причинен намного позже — когда китайское правительство решило развивать в том горном регионе массовый туризм.

Гуляр, тем не менее, вернулся в Лицзян — пусть и не сам, а посредством своей книги. Ведь сегодня в любой книжной лавке города можно увидеть его «Забытое королевство». А значит, люди могут узнать, каким это место было раньше, ещё до того, как о наси решили вспомнить, нанеся последний и решающий удар по их самобытности и древнему укладу жизни.

Лицзян. Кожевенная мастерская
На архивной фотографии — лицзянский кожевенный кооператив

Goullart who showed the Nakhi the spinning wheel, and in the next decades this technological introduction caused a real turnover in the local wool-spinning industry. The results obtained by Goullart in Lijiang were indeed astonishing. But soon 1949 came and then the revolution, that turned China into the Chinese People's Republic, followed. All Goullart's cooperatives were based on interpersonal relations and were never too big. The new Chinese government on the contrary was already dreaming of co-operatives with thousands and dozens of thousands members, in other words, they wanted huge collective farms created not for people and not by their will, but for the needs of the huge country and by the will of the center.

Finally, Goullart, being a representative of opposition to the communists, had to secretly leave Lijiang together with his friend Joseph Rock, a famous researcher. Communists arrested and executed all the disloyal people; the number of friends was plummeting. All of this was too well familiar to Goullart and he understood that he had no time to loose.

Return of Goullart

With misty eyes we fastened our belts. The plane taxied to the far end of the alpine meadow and then started with a roar. A crowd of Nakhi and Tibetans waved to us as we ran down the valley and rose into the air. Slowly we passed our beloved Likiang, with its tiled roofs and running streams, and started climbing to cross the Nanshan Range. The last glimpse was of the great River of the Golden Sand winding through its deep gorge amid the sea of mountains. Then it became dark.

Leaving Lijiang, Goullart realized he was leaving his paradise forever. Though probably he did understand there is no paradise. And in spite of the fact that the communist were the first to attack it, I believe that the biggest harm to it was done much later, when the Chinese government decided to develop mass tourism in that mountainous region. However, after a few years Gulyar returned. After all, his book "Forgotten Kingdom" is sold in every bookshop of Lijiang. And it means, people can find out what this place was like before the Chinese remembered of the Nakhi's existence thus utterly destroying their identity and pristine lifestyle.